

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Самотека, Троицкое подворье,
редакция «Вестника Синода».

№ 7

1926 ГОД.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

за 10 №№ 6 руб.

за пять №№ 3 руб.

Цена отдельного №—75 коп.

Наложным платежом журнал высылается
на сумму не менее 3 рублей.

СОДЕРЖАНИЕ №

Часть официальная.

1. Постановление III Собора по докладу о подготовке к предстоящему Вселенскому Собору.
2. Православная церковь на территории СССР к 1 октября 1925 г.
3. Циркуляр св. Синода об уполномоченных
4. Обращение св. Синода к патриарху Сербскому.

Часть неофициальная.

Отдел церковно-общественный.

1. После Собора.
2. Что было сделано для церковного мира. Профессора
Б. В. Титлинова.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ III СОБОРА

по докладу о подготовке к предстоящему Вселенскому Собору¹⁾.

1. Поручить Президиуму Свящ. Синода, по получении окончательного извещения о сроке созыва Вселенского Собора, собрать общее собрание Священного Синода для избрания делегатов от Р. П. Ц. на Вселенский Собор.

2. Будущей делегации вменить в обязанность доложить Вселенскому Собору о современном положении Русской Церкви и тех обстоятельствах, которые вызвали некоторые изменения в нынешней практике Русской Церкви по сравнению с прежней, как-то: по вопросам о брачном епископате и второбрачии духовенства.

3. Поручить означенной делегации представить Вселенскому Собору мнение русских богословов по тем вопросам, которые вызывают богословские разногласия.

4. Поручить означенной делегации выразить горячее желание Р. П. Ц. видеть все христианские Церкви, исповедующие Единого Христа Сына Божия, в братском общении мира и Христовой любви, несмотря на их частные вероисповедные различия.

СПИСОК.

Членов Священного Синода, избранных III Поместным Собором.

1. Митрополит Вениамин Ленинградский.
2. » Пимен Украинский.
3. » Тихон Воронежский.
4. » Евдоким Одесский.
5. » Алексей Казанский.
6. » Корнилий Уральский.
7. » Серафим Московский.
8. » Виталий Тульский.
9. » Алексей Крымский.
10. » Владимир Белорусский.
11. » Александр Введенский.
12. » Петр Сибирский.
13. » Николай Ташкентский.
14. » Петр Закавказский.
15. » Василий Дальне-Востокский.
16. Архиепископ Герасим Владимирский.
17. » Анатолий Астраханский.

¹⁾ Окончание, см. № 6.

18. Архиепископ Михаил Рязанский.
19. » Михаил Кубано-Черноморский.
20. » Константин Курский.
21. » Иоан Сталинградский.
22. » Георгий, председатель Уч. Комитета.
23. Один епископ по избранию Украинского Синода.
24. Протопресвитер П. Н. Красотин.
25. Протоиерей Н. Попов.
26. » Н. Плагонов.
27. » А. Боярский.
28. » П. Раевский.
29. » Т. Попов.
30. » Д. Адамов.
31. » М. Князевский.
32. » Н. Розанов.
33. » А. Эндека.
34. Миряне — профессор А. И. Покровский.
35. » Б. В. Титлинов.
36. » С. М. Зарин.

СПИСОК.

ЧЛЕНОВ ПРЕЗИДИУМА СВ. СИНОДА, ИЗБРАННЫХ ОБЩИМ СОВЕЩАНИЕМ СВ. СИНОДА 10 ноября 1925 г.

1. Председатель — митр. Вениамин Ленинградский.

Почетные члены:

Архимандрит Василий Димопуло, представитель Вселенского патриарха. Архимандрит Павел, представитель Александрийского патриарха.

Члены:

2. Митр. Серафим, заведующий административным отделом (с подотделом иностранным).
3. Митр. Александр (Введенский), заведующий просветительным отделом (с подотделами учебным, издательским и миссионерским).
4. Протопресвитер Красотин, заведующий хозяйственным отделом.
5. Профессор С. М. Зарин, секретарь Синода и заведующий юридическим отделом.

Православная церковь на территории СССР.

К 1 октября 1925 г.

Православная церковь в СССР, соответственно гражданскому делению, в административном отношении разделялась на следующие составные части: 1) Грузинская Церковь, 2) Украинская Церковь, 3) Белорусская Церковь и 4) Церковь, состоящая в непосредственном ведении Священного Синода Российской Православной Церкви.

Грузинская Церковь в 1917 г., игнорируя церковную власть, заявила Временному Правительству о восстановлении своей автономии и до сего времени не имеет канонической связи с Российской Православной Церковью.

Украинская церковь на своем Соборе в Харькове 8/21 мая 1925 г. провозгласила автокефалию и получила благословение на автокефалию от 3-го Поместного Собора Православных Церквей СССР 6 октября 1925 г.

Украинская Церковь управляется Всеукраинским Собором и Священным Синодом. Члены Украинской Церкви участвуют в Поместных Соборах Православных Церквей СССР, и 3 представителя Всеукраинского Св. Синода входят в состав Всероссийского Св. Синода. В состав Украинской церкви входят 16 епархий Украины и Молдавии с 33 епископами и с 3.000 приходов.

Белорусская Церковь, с благословения Св. Синода с мая 1924 г., имеет право автономии, управляется Белорусским Собором и Св. Синодом, участвует в поместных Соборах православных Церквей СССР, и представители ее входят в состав Всероссийского Св. Синода. В состав Белорусской Церкви входят 4 епархии Белоруссии с 6 епископами и 500 приходов.

В непосредственном ведении Св. Синода Российской Православной Церкви находятся Православная Церковь за границей, в Америке, Франции, Германии, Дании и Афинах, и 87 епархий на территории СССР.

Из 87 епархий, соответственно гражданскому административному управлению, — 47 епархий об единены в 7 окружных митрополитных церковных управлений (Сибирь — 11 епархий, Д.-Восток — 5 епархий, Сев. Кавказ — 8 епар., Крым — 3 еп., Закавказье — 3 еп., Уральская обл. — 12 еп., и Северо-Кавказск. обл. — 5 епархий) и, согласно положению о митрополитанских управлениях, управляются Св. Синодом через посредство окружных Соборов, митрополитов и церковных управлений. Необъединенные 40 епархий управляются Св. Син. через епарх. архиереев и епарх. церковные управления.

На 1-е октября 1925 г. в каноническом общении и ведении Св. Синода состояли:

№	Епархия	Число церквей	Еписк.	Духовенство
1-16	Украина	3.000	33	3.500
17/20	Белоруссия	500	6	600
21	Америка	33	1	37
22	Акмолинская	свед. нет	1	свед. нет
23	Архангельская	110	1	117
24	Астраханская	25	1	44
25	Брянская	103	1	140
26	Велико-Устюжская	139	1	173
27	Владимирская	224	2	308
28	Вологодская	141	2	220
29	Вольская	200	1	свед. нет
30	Воронежская	616	7	843
31	Вятская	166	4	237
32	Гомельская	С в е д е н и й н е т		
33	Дзетысуйская	119	1	109
34	Иваново-Вознесенская	233	2	279
35	Казанская	353	2	397
36	Калужская	83	1	88
37	Костромская	19	1	32
38	Краснококшайск. (Мар. Обл.)	27	1	48
39	Курская	120	2	173
40	Кустанайская	38	1	42
41	Московская	107	4-5	181
42	Нижегородская	33	2	59
43	Оренбургская	88	2	170
44	Орловская	230	2	401
45	Пензенская	73	4	141
46	Петропавловская	43	1	60
47	Рязанская	15	2	50

48	Самарская	100	3	138
49	Саратовская	224	1	284
50	Семипалатинская	103	2	142
51	Смоленская	352	2	486
52	Сталинградская	307	2	417
53	Тамбовская	156	2	286
54	Ташкентская	107	1	149
55	Тверская	6	2	13
56	Тульская	627	3	764
57	Ульяновская	170	1	204
58	Уральская	58	3	69
59	Уфимская	159	2	244
60	Чувашская обл.	76	2	165
61	Ярoslавская	9	3	29

Сибирский Областной церковный совет.

62	Алтайская	127	1	143
63	Бийская	45	1	47
64	Иркутская	103	3	124
65	Канско-Карганск.	67	1	87
66	Каменская	25	1	37
67	Канская	свед. нет	1	св. нет
68	Красноярская	263	2	359
69	Минусинская	—	—	—
70	Ново-Николаевская	66	1	83
71	Омская	122	1	153
72	Томская	176	1	147

Дальне-Восточное областн. Ц. Упр.

73	Благовещенская	86	1	72
74	Верхне-урдинская (Бур. рес.)	свед. нет	2	св. нет
75	Владивостокская	58	2	78
76	Хабаровская	15	1	24
77	Читинская	133	2	105

Северо-Кавказский Край.

78	Верхне-Донская	162	1	184
79	Владикавказская	79	1	128
80	Кубано-Черноморск.	482	2	836
81	Ново-Черкасская	150	2	175
82	Пятигорская	свед. нет	1	св. нет
83	Ростовская д.	55	1	181
84	Ставропольская	55	1	108
85	Таганрогская	36	1	68

Крымская митрополия.

86-88	Симферопольская } Севастопольская } Феодосийская }	55	3	св. нет.
-------	--	----	---	----------

Закавказская митрополия.

89	Бакинская	16	1	38
90	Сухумская	св. нет.	2	св. нет.
91	Эриванская	Сведений нет.		

Уральская область.

92	Златоутовская	св. нет.	1	св. нет.
93	Ирбитская	115	1	147
94	Ишимская	77	1	82
95	Курганская	115	1	св. нет.
96	Пермская	200	4	400
97	Сарапульская			
98	Свердловская	110	3	175
99	Ниже Тагильская			
100	Тобольская	10	1	13
101	Троицкая	св. нет	1	св. нет.
102	Тюменская	св. нет.	1	св. нет.
103	Челябинская	212	1	303

Северо-Западная область.

104	Ленинградская	56	4	124
105	Новгородская	35	3	40
106	Олоньцкая	110	2	114
107	Псковская	15	1	св. нет.
108	Череповецкая	106	1	106

Итого епархий 108 12593 192 16540

Зав. Адм. Отд. Св. Синода
Митрополит Серафим.

19/10—1925 г.

Циркуляр Свящ. Синода об уполномоченных.

(№ 3859, от 16 окт. 1925 г.).

По определению Пленума Св. Синода Пр. Ц. на территории СССР от 10 окт. 1925 г., до введения в действие Положения об Епархиальном управлении, принятого Св. Собором 1925 г., и не предусматривающего должности уполномоченного,

ЕУ предоставляется право сохранения должности уполномоченного, где это требуется местными условиями, о чем ЕУ сообщают Св. Синоду.

Обращение Св. Синода к паприарху Сербскому. ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ, ПАТРИАРХУ СЕРБСКОМУ ДИМИТРИЮ.

Священный Синод, избранный бывшим в октябре текущего года III Свящ. Собором Православных Церквей на территории СССР, с чувствами глубокого удовлетворения и высокой духовной радости осведомился из письма Представителя Вселенского Патриарха в СССР Архимандрита Василия о том, что Сербская Патриархия и все архипастыри, страдающая душой о русских церковных нестроениях, готовы всеми мерами помочь делу умиротворения русской церковной жизни.

Св. Синод, всецело стоя на незыблемых основах вселенского православия, являясь стражем и охранителем истинного Православия, одною из основных задач своих в переживаемый момент ставит—оберечь Церковь от вмешательства в политику. Жизнь Церкви Св. Синод строит на незыблемой почве Св. Писания, Апостольского Предания и Постановлений Вселенских и Поместных Соборов. Оберегая родное Православие и являясь единственным законным носителем высшей церковной власти на территории СССР, Священный

Синод всегда дорожил и дорожит укреплением тесной братской связи с автокефальными Православными Церквами. Желая нарушить крепость и искренность таких связей, наши противники, особенно в лице русской эмиграции, порвавшие связь со своей родиной и озлобленные своими личными неудачами, распространяют о деятельности Св. Синода несоответствующие действительности слухи и ложные сведения. Св. Синод просит ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО не верить такому слухам и сведениям, так как они проистекают из явно тенденциозных и клеветнических источников.

Св. Синод в доказательство своей верности православию и в залог братского общения препровождает при сем Послание, а также определения III Поместного Собора, и просит своими молитвами и братским общением поддерживать авторитет Св. Синода, на благо одинаково всем дорогого Православия и во имя торжества завета Главы Церкви Господа Спасителя: «Да вси едино будут».

Москва. 29 октября 1925 г.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Отдел церковно-общественный.

После Собора.

Третий Всероссийский Поместный Собор, состоявшийся в Москве в начале октября 1925 г., представляет собою, несомненно, один из важных определяющих моментов в жизни русской церкви последнего периода. После Соборов 1917 и 1923 года, это—третья опорная точка нового направления нашего церковного развития, начало которого положено разрывом монархическо-церковного «союза» церкви с государством.

Едва ли нужно указывать, что со времени революции и особенно декрета об отделении церкви наша церковная история вступила в новую фазу своего развития. Выражаясь языком учебников, она вступила в новый период, гораздо резче отграниченный от предшествующих, чем какой-либо другой. В течение почти целого тысячелетия, несмотря на всякие повороты, наше церковное развитие шло по одному пути, указанному ему еще старыми традициями императорской Византии. Все направление нашей церковности, нашего христианства вращалось в рамках идеологии, выросшей когда-то в далекие времена, на почве смешения «кесарева» с «божиями» в историческом окружении христианской церкви. Крушение нашего старого политического и социального строя впервые вывело церковное сознание из этого рокового круга. Мы стали на грани знаменательного момента в истории не только нашей, а и мировой: самостоятельного религиозно-христианского строительства. Мы говорим—впервые, потому, что ведь первые три века христианства не могут служить аналогией современного положения. Правда, и тогда церковь развивалась самостоятельно, «кесарево» и «божие» были совершенно разграничены. Но церковь была связана своим нелегальным, подпольным положением и о широ-

ком выявлении ей думать не приходилось. В условиях же христианской истории, христианской культуры перспективы свободного христианского строительства вырисовываются лишь в наше время. А вместе с тем, вырисовываются и новые огромные задачи, тем более сложные, чем длительнее был период связанности церковно-христианских сил. Века прошлого положили свой тяжелый отпечаток на всю структуру и психологию церкви. Сбросить это иго, расправить крылья и взлететь в высь христианского творчества жизни не так просто и легко. И, естественно, что нам в этом приходится на опыте убеждаться.

Пора изменить обывательский подход к событиям, переживаемым церковью в последние годы, и трезво и широко взглянуть на наше церковное положение. Наша церковная злоба дня, как известно,—церковный раскол. Больше всего мы говорим и думаем о его ликвидации, его изжитии, и если не видим реальных результатов в этом направлении, то склонны впадать в пессимизм и обесценивать существующие достижения. Но что такое наш раскол? Это неизбежное явление в жизни всякого общества при поворотных стадиях его развития. Все имеет свои законы. Нельзя никогда изменить сразу общественную структуру, общественную психологию, повернуть общество целиком на новый путь. И политические и социальные реформы воспринимаются и прививаются постепенно, и около них долго бурлит водоворот борьбы. Революционные перевороты могут совершаться быстро, но революционные перестройки—уже медленнее, а революционные переломы в настроении—совсем затяжны. Трезвые политики и общественные деятели отлично знают это и никогда не рассчитывают, что масса сразу осознает

новые идеи: им важно только обеспечить этим идеям сначала внешнее руководящее значение, чтобы потом укрепить их в сознании общества. Неужели вы думаете, что в какой-либо стране политический и еще больше социальный переворот не имеет длительной оппозиции? Да разве в республиканской Франции со времени первой революции не существовало и не существует до сих пор монархистов? И все необязательно, чтобы оппозиция была в меньшинстве. Очень часто она бывает сначала в огромном большинстве. Важны сила и жизненность тех идей, которые совершают переворот, а не их общее немедленное восприятие. Иначе говоря, раскол в общественном настроении бывает при всяком перевороте государственной жизни. Но проявления его там, конечно, сдерживаются силой государственной организации, и часто с внешней стороны его незаметно.

Неизбежен раскол и в церковной, религиозной среде на поворотных пунктах развития церковного общества. И здесь, как всюду, одни идут вперед, другие отстают, третьи стоят на месте и умирают у разбитого корыта. За примерами нам далеко ходить не надо,—вспомним лишь поворотные моменты нашей прежней церковной истории. Когда русская церковь в свое время совершала первую свою «революцию», отделяясь от константинопольского патриарха—в середине XV века, то вы думаете, не было «несогласных»? Были. Когда русская церковь в XVII веке, при Никоне, попробовала нарушить неприкосновенность обрядовой стороны, что вышло? Раскол старообрядчества. Когда при Петре Великом патриарший строй был заменен синодальным и сделан шаг к «европеизации» церковных порядков, не вышло ли разногласия? Вышло, и очень сильное. Оппозиция петровским церковным реформам была весьма широка, им не сочувствовало большинство, и это недовольство не умирало в течение всего синодального периода. Скажете, все же не было видного раскола? Во-первых, он был, и чрезвычайно острый (старообрядчество). Во-вторых, если его в других случаях и не бывало, то это объясняется лишь внешней церковно-государственной спайкой. Будь власть в руках оппозиции, или, вернее, будь у ней силы внешнего сопротивления, у нас было бы всяких «расколов» не два, не три, а, может быть, десять и двадцать. Что же удивительного, что при новом положении церкви внутреннее расхождение церковного общества на последнем поворотном пункте нашей церковной истории резко выявилось и наружно? Ведь этому не мешала «железная» рука. И что удивительного, если в «оппозиции» оказалось большинство церковного общества? Ведь последний «поворот» церковного развития гораздо круче, чем бывшие раньше. Те вращались в плоскости одной церковно-монархической идеологии. Теперь же происходит сдвиг в сторону именно другой идеологии, столь непривычной воспитанному на старых дрожжах церковному сознанию.

Таким образом, сам по себе наш современный церковный раскол есть историческая необходимость, поскольку историческую необходимость составляет поворот нашей церковной жизни на новую дорогу, вызванный объективными условиями исторической обстановки. Раскол этот можно было бы предотвратить только в том случае, если бы не было ни внешнего (отделение церкви от государства), ни внутреннего (расхождение церковных идеологий) поворотов в церковной жизни. Но первое не зависит от церковных сил, а второе неотвратимо, как всякое развитие жизни. Идею расхождения церковного общества началось давно. Оно выявилось ясно уже в период 1905—1906 гг., и его обострение в «эпоху» тихоновского патриаршества логически определялось деятельностью последнего. Основная проблема церковной жизни поэтому не в том, чтобы сделать должное быть небывшим, а в том, чтобы в неизбежном церковном кризисе найти верную дорогу к будущему, ведущую к жизни и укреплению церкви, а не к смерти и упадку.

В этом отношении обновленная церковь сразу наметила себе те вехи, которые указывало ей здоровое церковное сознание. В перестройке своей структуры она оперлась на принцип соборности, как на единственное жизненное начало церковного союза, заменяющее старые внешние церковно-государственные скрепы. При этом пришлось столкнуться с прежней церковно-монархической идеологией и повести упорную борьбу с самовластными замашками старо-режимного монашеского епископата. В перестройке своего мирозерцания церковь оперлась на евангельские идеалы, на чистую «правду Божию», и смело пошла навстречу стремлениям к правде

человеческой. Здесь она столкнулась с долговечной церковно-политической закваской прежней церковности и нашла себе противников во всех тех многочисленных церковных элементах, которые привыкли смотреть на религию, как на орудие политики и защиту установившихся классовых отношений. Собор 1923 г. был первым испытанием для нового церковного сознания, борьба которого со старой церковной психологией на соборе 1917—1918 года окончилась для него неудачно. Но Собор 1923 года протекал в исключительной обстановке, и многим казалась его позиция случайной. Настроение церковного общества было настолько неопределенным, что оставалось неясным, насколько прочен наметившийся перелом в церковной жизни. Все было тогда в брожении, смятении и неуверенности. Этим объясняется в значительной степени и последовавшая жестокая реакция в церковном мире. Церковная масса не поняла всего значения совершающегося церковного кризиса. В движении 1922—1923 г. она увидела случайный взрыв. И когда прошла исключительность внешней обстановки, все консервативные силы церкви обрушились на передовой авангард нового церковного движения. Размах реакции был так широк, что стало действительно вопросом, поворот ли происходит церковного корабля, или просто временная качка?

Почти три года, протекавшие между вторым и третьим собором, решили этот вопрос в первом смысле, и в этом главное значение собора 1925 года. Годы жестокой реакции не сокрушили тех сил, которые поворачивают нашу церковную историю. Напротив, силы эти окрепли, организовались, стабилизировались. Собор 1925 г. подтвердил, что позиция церковных реформаторов 1922—23 гг. была не случайна, что она исходит из жизненных церковных потребностей. Он констатировал, что основные линии церковной перестройки намечены правильно и что поворот сделал целесообразно. Уже не в чрезвычайной, а в спокойной обстановке церковной действительности церковное сознание пришло к тем же выводам, которые были сделаны и первыми борцами нового движения. Различия в частности, конечно, неважно. Важны только основные идеи; а они выдержали испытание. Не иерархическое самовластье, а соборная общественность; не служба «кесарю», а служба Богу; не неправда человеческая, а правда Божия—вот вехи христианской церковности. Кто не идет по ним, те неизбежно придут в тупик.

Смысл этого достижения несколько не ослабляется от того, что так называемые староцерковники отказались прийти на собор и попрежнему остаются на старых позициях. Собор достаточно выяснил, что сущность такого упорства не в каких-либо религиозных расхождениях, а именно в тех церковных настроениях, кои и раньше, до революции, раскалывали (внутренне) церковное общество. А в таком случае стойкость староцерковничества свидетельствует только о стойкости старой церковной идеологии, но не делает ее отсюда более жизненной и правильной. Конечно, изменить идеологию мановением руки нельзя, и было бы удивительно, если хотите, внезапное «примирение» тихоновцев, а не их упорство. Все равно от такого примирения идейной пользы мало, хотя и есть практическая. Подлинное же примирение возможно лишь путем постепенного психологического перелома в настроении староцерковнических элементов. Собор этого сам по себе сделать не мог. Он мог только поставить диагноз «тихоновской» болезни и наметить средства ее дальнейшего лечения. Это он и сделал, выявив подоплеку «тихоновщины» и указав, что наружное лекарство тут не поможет, кроме разве устранения гнояников, а центр тяжести во внутреннем лечении, т. е. перевоспитании масс в духе Христовом и в широкой пропаганде истинного смысла обновительного движения.

На последнее и должна быть направлена теперь, после собора, вся энергия нашей церковной работы. До сих пор верующие не без доли справедливости часто упрекали так называемых обновленцев в том, что не видно их «обновления». Доля справедливости здесь в том, что церковное внимание, действительно, излишне сосредоточивалось на таких второстепенных вопросах, как брачный епископат, второе брачие духовенства, новый стиль, Тихон,—оставляя в тени идейные, принципиальные лозунги соборно-обновительного движения. Правда, этот односторонний уклон объясняется отчасти внешне-организационным периодом жизни обновленной церкви. Прежде, чем выйти, что называется, в ши-

рокое плавание, надо снарядить судно: этим и занялись сначала деятели обновления. Но во всяком случае не следует забывать, что указанные внешне-организационные вопросы вовсе не составляют сущности церковного «поворота». Сущность нашей церковной работы—в деятельной христианизации жизни, в религиозном освящении человеческих стремлений к правде, в сближении религии с жизнью, в активном строительстве царства Божия на земле по мере достижимости этого идеала. Пусть верующие и неверующие видят, что «обновленческое» духовенство отличается от старо-церковни-

ческого не брачностью или безбрачностью, а ревностью о правде Божией, отзывчивостью на человеческие нужды, горением веры. И чем больше будет развиваться такая положительная христианская работа, тем быстрее будет переливаться церковная масса из «старых» в «новые» церковные мехи. Обновление церкви нужно для обновления жизни; но в обновлении жизни проявляется и обновление церкви. Обновляйте, творите христианскую жизнь; и она станет твердым фундаментом церковного обновления.

Что было сделано для церковного мира.

Итак, церковное примирение пока не достигнуто. Те напряженные ожидания, с которыми верующие православной церкви готовились к Третьему Поместному Собору как будто оказались неудовлетворенными. Достигнуть церковного объединения не удалось. Почему? Мы это уже знаем. Но мы знаем также, что со стороны Священного Синода было сделано все, чтобы привлечь к участию в Соборе, который должен был обсудить спорные церковные вопросы, представителей староцерковников.

История подготовки к Собору совершенно ясно показывает, что дело церковного примирения не состоялось не по вине деятелей синодальной церкви. В течение нескольких месяцев, с мая по сентябрь, как в центре, так и по епархиям велась примирительная работа. Но всюду она натолкнулась на упорное противодействие со стороны руководителей тихоновской группировки. Вот что говорят факты.

Когда после смерти б. патр. Тихона Св. Синод выпустил свое воззвание ко всем архипастырям и пастырям Православной Русской Церкви «отложить пререкания» и «мирно-любовно подготовиться к Поместному Собору», то, само собой разумеется, воззвание это прежде всего было направлено к главам тихоновской церкви. Оно было послано им персонально, и тем самым определенно намечалась почва для переговоров, если только тихоновские верхи пожелаали бы их завязать. Но от руководителей тихоновской иерархии, в частности от митрополита Петра Крутицкого, долгое время никакого отклика не получалось. Наконец, в конце июля месяца митрополит Петр, через протоиерея Доронкина, частным образом уведомил Св. Синод, что он в личной беседе желал бы выяснить спорные вопросы и переговорить о возможности соглашения. Немедленно же ему было сообщено, что Председатель Св. Синода и члены его готовы встретиться с ним или его уполномоченным для означенных переговоров «в духе Христовой любви и взаимного уважения». Письмо с этим извещением было лично доставлено м. Петру членом Св. Синода архидиаконом Добровым, который и имел при этом, 29 июля, личную беседу с м. Петром.

Архидиакон С. А. Добров спросил м. Петра, желает ли он прекращения церковного разделения и какие меры к тому, по его мнению, необходимы. Вместе с тем о. Добров высказал, что Св. Синод, в случае принципиального согласия м. Петра на примирение, полагал бы полезным образовать с той и другой стороны комиссию для выяснения всех вопросов, связанных с созывом Поместного Собора и участием на нем представителей обоих течений. На это м. Петр ответил, что он является только административным лицом, а не патриархом, и указанный вопрос может быть решен только после того или иного постановления проживающих в Москве епископов их ориентации, да не только проживающих в Москве, но и епископов, находящихся в ссылке и в заключении, для чего необходимо их освободить. О. Добров на это заметил, что Св. Синод никакого участия к привлечению тех или других епископов к ответственности не имеет и в эту сторону дела вмешиваться не может. На повторный же вопрос о. Доброва, как смотрит м. Петр на возможность примирения, м. Петр ответил, что он устроит совещание епископов и о результатах сообщит Св. Синоду. Вообще же, по сообщению о. Доброва, митрополит Петр держал себя уклончиво и раздраженно.

Созывал ли м. Петр совещание своих епископов, мы не знаем. Никакого дальнейшего ответа его на синодальные предложения получено не было. Но на другой же день после этой беседы выяснилось, что м. Петр уже заранее пригото-

вил ответ, о котором он только умолчал при беседе с о. Добровым. Именно, появилось известное воззвание м. Петра, датированное 28 июля (а беседа была 29-го), в котором созываемый 1 октября Собор называется «самочинным», «лже-собором», всем тихоновцам воспрещалось принимать в нем какое-либо участие, объявлялось, что все совершенное без благословения его, м. Петра, «неканонично» и что «обновленцы», если хотят примириться, должны принести «раскаяние» в своих «заблуждениях» в виде «всемирного покаяния» «каждого в отдельности». При этом указывались и мнимые «вины» обновленцев: якобы введенное ими «самочинное учение» (ссылка на № 1—2 журн. бывшей «Живой Церкви»), что они отвергли власть патриарха, дозволили брачный епископат и второбрачие клириков и «разорвали связь с Священным Преданием».

Так «искренне» действовал «местоблюститель патриаршего престола» в ответ на призыв к любви Христовой. Ясно, что если бы у него было честное отношение к делу, то во всяком случае он должен был бы прямо и предъявить о. Доброву свое послание, а не ссылаться на епископов. Любопытно, между прочим, с согласия ли епископов м. Петр выпустил свое воззвание, как свободных, так и заключенных? Или это согласие необходимо для примирения и не нужно для вражды?

После такого «ответа» м. Петра линия тихоновских верхов сделалась совершенно ясной. Св. Синоду оставалось только дать свой ответ на все выпады возвания Петра, что и было сделано в трех возваниях Св. Синода (от 26 авг., 3 сент. и 9 сентября). В своих возваниях Св. Синод по пунктам разъяснил всю неосновательность притязаний «местоблюстителя» на главенство в церкви и всю лживость предъявленных к «обновленцам» обвинений. В виду непримиримости верхов, Св. Синод обращался с новым горячим призывом к тихоновскому духовенству и пастве идти на общий Собор, чтобы там «в христианском единении найти примирение всех пререканий». Но, разумеется, обращения Св. Синода с трудом достигали до тихоновских низов. Там широко пропагандировали воззвание м. Петра, которое и определило всю линию поведения староцерковников.

Второй центр тихоновщины—Ленинград—оказался столь же непримиримым, как Москва со своим местоблюстителем. Тон, данный «Крутицами», уже заранее определил позицию староцерковников по всему фронту, и в дальнейшем возможны были только варианты одной и той же политики. При этом местам легко было уже просто ссылаться на центр, что мы и видим на самом деле. И даже Ленинград, имеющий более самостоятельное значение, поспешил прикрыться «верхами», когда здесь тихоновские архиереи были вплотную поставлены пред примиренческой проблемой.

Призыв к совместному участию в Соборе был выпущен в Ленинграде, по получении указаний из Москвы, одним из первых. Ленинградское Епархиальное Управление устроило несколько публичных собраний по вопросу о мире в церкви, где определенно указывалось, что староцерковники приглашаются на паритетных началах, и разослало соответствующие предложения представителям тихоновского епископата и духовенства. Но в ответ на это управляющий епархией тихоновский епископ Венедикт с своей стороны ответил возванием к своему духовенству и пастве, в котором запрещал не только вступать в переговоры с обновленцами, но даже и в разговоры по церковным вопросам. В последнем сказывалось явное опасение, что подобные «разговоры», пожалуй, могут подорвать цельность непримиримой позиции. ЛЕУ на

этот акт тихоновских епископов ответило мотивированным обращением к духовенству и мирянам, где выяснялась нехристианская нетерпимость староцерковнических архиереев и единственная возможность разрешить церковные пререкания путем соборным. Это воззвание осталось без ответа со стороны тихоновцев.

Несмотря на такую вызывающую непримиримость тихоновцев, Лен. Епарх. Управ. пробовало все-таки добиться определенного ответа от другой стороны. Путем частных переговоров было назначено свидание представителей ЛЕУ с епископом Венедиктом. В назначенный день, 20 июня, три члена ЛЕУ явились на квартиру еп. Венедикта; но последний отказался их принять и только «частным образом» согласился переговорить с одним из членов депутации, прот. Платоновым, которому и заявил, что «совет епископов» не уполномочил его вести переговоры и даже беседу с депутацией, что без разрешения центра он вступать в переговоры не имеет права, и следует сначала Св. Синоду договориться с Петром Крутицким, что, наконец, говорить о примирении нет особой надобности: пусть просто желающие переходят из одной группы в другую на установленных основаниях (покаяние).

Таким образом, в Ленинграде переговоры были сорваны решительно тихоновскими архиереями в самом начале. Синодальные деятели Ленинграда пробовали подойти к делу и с другой стороны. Они пытались завязать связь непосредственно с виднейшими представителями ленинградского тихоновского духовенства и с мирянами. В той и другой среде нашлись элементы, не разделявшие фанатичной непримиримости епископата. Среди духовенства выявилась «левая группа» тихоновцев, которая склонна была идти навстречу примирительной политике Св. Синода. До появления воззвания Петра Крутицкого эта группа подавала надежды, что она окажет свое давление на епископов и постарается сдвинуть их с непримиримой позиции. Но как только появилось воззвание Петра, так «мужество» левых тихоновцев упало. Они заговорили другим языком и спустили свой флаг, откровенно давая понять, что «обстоятельства сильнее их». То же самое произошло и с тихоновскими мирянами. Среди них наметилось также примирительное течение. Несколько представителей тихоновских приходов выразили желание образовать смешанную мирянскую комиссию для предварительных переговоров. Но воззвание Петра Крутицкого парализовало и это начинание. Ни духовенство, ни миряне староцерковнической ориентации не нашли в себе достаточно мужества, чтобы явно идти в разрез с центром и своей иерархией.

В других епархиях мы наблюдаем почти в точности ту же самую картину. Разница между отдельными епархиями только в том, что в одних выдерживалась фанатично-непримиримая позиция—отказ даже разговаривать с обновленцами, в других—тихоновские главари вступали в те или другие разговоры, но обычно только для того, чтобы заявить в конце-концов, что они мириться не могут. Кое-где в последних случаях отдельные тихоновские элементы решались самостоятельно участвовать в общих епархиальных собраниях и выдвинули нескольких делегатов на Собор, хотя и без епархиальных (своих) полномочий.

Как это ни странно, одним из наиболее непримиримых оказался митрополит **Нижегородский** Сергей (Страгородский), быв. финляндский, в свое время публично признавший Высш. Церков. Управление, заменившее патриаршее, и публично засвидетельствовавший его каноничность и законность. Ныне этот иерарх, очевидно, основательно забыл то, что он говорил три года назад; а может быть, и именно не желая «вспоминать», постарался отгородиться от всякого общения с каноничной и законной, по его же признанию, церковной властью. Нижегородское Епархиальное Управление сообщает, что оно неоднократно предпринимало попытки переговорить по вопросу о ликвидации церковного разделения соборным путем с митроп. Сергием. Первый раз послана была к нему депутация от епархиального с'езда, но она принята не была. Второй раз синодальный архиепископ Нижегородский Александр письменно обращался к м. Сергию с просьбой назначить время и место для совместных переговоров по пререкаемым церковным вопросам и по вопросу об участии в Соборе. Переговоры вести М. Сергий отказался, сообщив при этом, что он может принять архиеп. Александра только как желающего принести всенародное покаяние. Означенное предложение, конечно, было с негодованием отвергнуто арх. Але-

ксандром, который тогда выпустил воззвание к пастырям и верующим с призывом самим добиваться, помимо митрополита Сергия, участия на Поместном Соборе. М. Сергий всячески старался воспрепятствовать и другим участвовать на Соборе. Послушные ему его викарные епископы возвратили так же без ответа посланные к ним обращения. Синодальные деятели пробовали воздействовать на народ путем бесед, воззваний и т. п., но безуспешно, так как народ слепо шел за своими вождями.

В **Туле** староцерковнический епископ Николай сделал предписание настоятелям церквей и приходским советам своего ведения, чтобы они ни в какие переговоры по вопросам Собора с обновленцами не входили. Тульское Е. У., в ведении которого находится огромное большинство приходов тульской епархии, принимало со своей стороны меры к привлечению тихоновцев. Но они остались на своей упорной позиции.

В **Смоленске**, в ответ на приглашение на общее Епархиальное собрание для обсуждения вопросов церковного момента и избрания делегатов на Собор, руководители тихоновского духовенства выпустили обращение полемического содержания против обновленцев. Вместо всякого обсуждения спорных церковных вопросов, в этом обращении тихоновцы утверждали, что они истинно-православные, что их начальство (м. Петр Крутицкий и местный еп. Филипп) никаких извещений им о предстоящем Соборе не присылало, и потому они отказываются от участия в епархиальном собрании, ибо обновленцы—«лжеобновленцы», а «не православная церковь». То же самое тихоновцы декларативно заявили через своих представителей и лично епархиальному собранию. Напрасно представители синодальной церкви обращались с словами мира и любви к своим противникам: отклика эти обращения не нашли.

В **Пензе** Епарх. Управ., по получении синодальных распоряжений, образовало специальную комиссию по подготовке к собору, которая организовала широкую пропаганду идеи примирения и Собора. Затем было сделано особое обращение к староцерковническому епископу Филиппу с приглашением принять участие в подготовке Собора и воззвание к духовенству и мирянам-староцерковникам. Устроенные доклады и беседы привлекли массу народа. Но тихоновский епископ Филипп решительно отказался от участия в предсоборной работе и занял враждебное положение. Главные представители пензенских староцерковников также повели враждебную агитацию, требуя от обновленцев отказа от собора 1923 года. Агитация поддерживалась фанатичными монахами и монахинями и кумушками, распускавшими обычные сплетни. В результате, конечно, совместное епархиальное собрание не состоялось.

Самарское Е. У. для переговоров со староцерковниками избрало специальную комиссию, которая отправилась к тихоновскому епископу Сергию (Звереву). Но Сергий депутации не принял, а лишь через высланную особу ответил: «не нахожу надобности вести переговоры с вашим управлением и принять поэтому депутацию не нахожу нужным». В виду отказа еп. Сергия от переговоров Сам. Е. У. решило обратиться непосредственно к массам верующих и, главным образом, к духовенству епархии и приходским советам. В этих целях было составлено и отпечатано обращение к духовенству и мирянам и разослано по епархии. Но тихоновцы не делали никаких попыток сближения, ожидая распоряжений от своего центра. Из центра же шли непримиримые директивы, которые и ревностно исполнял еп. Сергий, во время поездок по епархии занявшийся новым совращением обновленческих приходов.

В **Оренбургской** епархии распоряжением Е. У. в июне месяце в каждом благочинии были образованы комиссии из мирян и духовенства, в целях сближения и объединения со староцерковниками. Городская Комиссия в самом г. Оренбурге выработала особое воззвание и входила в личные сношения с представителями тихоновского духовенства. Члены Е. У. во главе с еп. Андреем устраивали торжественные вечерние богослужения по воскресным и праздничным дням, после которых зачитывались доклады о необходимости объединения и всеобщей подготовки к предстоящему Собору. Но тихоновские пастыри, получившие воззвание, обещавши дать ответ, так его и не дали. В виду их упорного молчания, епархиальный с'езд собрался лишь из одних представителей синодальных приходов.

Ульяновское Е. У. отмечает, что призыв Св. Синода к миру был встречен с большим удовлетворением духовенством и народом. Выпущенное от имени синодального архиепископа Иоанна воззвание было разослано и староцерковникам. Но тихоновские руководители не пожелали на него реагировать. Когда (синодальный) сызранский епископ Павел лично пытался войти в сношение с проживавшим в Сызрани тихоновским епископом Амвросием, приглашая его во имя церковного мира и любви принять участие в предсоборной работе, то сначала тот ответил, что цель хороша, и обещал через две недели дать письменный ответ. Однако, ответа от еп. Амвросия так и не дождались: еп. Амвросий возвратил обратно все полученные им воззвания и программу Собора и явно не желал никакого сближения. Все попытки втянуть тихоновцев в подготовку к Собору оказались безуспешными.

В **Уфе** Епархиальное Управление еще в мае месяце послало тихоновскому епископу Иоанну (Пояркову) приглашение обсудить вопрос о путях примирения, выделив двух ответственных протоиереев для ведения переговоров. Но в ответ получило заявление от тихоновского благочиннического с'езда, тогда бывшего, что они, тихоновцы, готовы «принять в общение» обновленцев—при «условии полного отречения от всех новшеств, вошедших в жизнь обновленческой церкви начиная с 1922 года». Затем Уф. Е. У. предложило, в целях сближения, староцерковникам принять участие во встрече и проходах чудотворного образа Св. Николая. На это они ответили гробовым молчанием. Наконец, было послано официальное предложение принять участие в общем епарх. с'езде и выборе делегатов на Собор. Но тихоновцы уклонились дать определенный ответ, а тем временем вели усиленную анти-обновленческую агитацию, пробовали срывать обновленческие публичные доклады. Тогда У. Е. У. решило обратиться с воззванием к самим верующим с предложением выбрать на местах представителей от духовенства и мирян на епархиальный с'езд. Тихоновцы же усилили распространение своих обычных воззваний, в коих обвиняли обновленцев в «еретичестве», «отметании Христа», безблагодатности и проч. Главное противодействие примирению шло со стороны тихоновского епископа Иоанна. Духовенство же староцерковников было более склонно к миру, и миряне также сочувственно отзывались о примирительных призывах Св. Синода.

В **Великом Устюге** до приезда нового тихоновского архиерея Иринарха, видно специально посланного Петром Крутицким в этот ответственный момент, и духовенство и миряне староцерковники охотно посещали обновленческие беседы и лекции и обнаруживали миролюбивое настроение. С приездом еп. Иринарха положение изменилось. Началась усиленная анти-обновленческая агитация, наполненная обычными клеветами, сеяние вражды и отчуждения. В результате от приглашения на объединенный епархиальный с'езд все тихоновцы во главе с еп. Иринархом отказались и даже не приняли делегацию от епархиального с'езда, чем вызвали большое недовольство в мирянских кругах.

В **Вятской** епархии тихоновский епископ (Яранский) Нектарий, в ответ на все мирные воззвания и приглашения синодалов, разразился цинично-бранным архиерейским посланием вятской пастве. «Богомерзского, Обновленческого движения отрицаю,—так пишет этот «пастырь Христов»—и анафемствую оное. Богомерзский, разбойничий, так называемый. Собор 1923 года в Москве со всеми его постановлениями анафемствую (!), со всеми примкнувшими к сему обновленческому соблазну обещаю не иметь церковного общения. Православные вятчи! Волк в овечьей шкуре обновленец архиепископ Иоасаф обратился к верующим... (т.-е. с воззванием к миру).—Бдите, православные, како опасно ходите. Дни лукави суть». Дальше «смирный архиерей» Нектарий, изрыгая хулы на обновленческую Церковь, как «еретическую», заявляет, что синодальное священство безблагодатно, что таинства, совершаемые им, недействительны, молитвы не имеют силы, евхаристия—простые хлеб и вино, исповедь не разрешает грехов, и призывает не ходить на Собор, как еретический. Так было в Вятке встречено тихоновцами исполненное христианской любви обращение архиепископа Иоасафа! Но все-таки нашлись в Вятской епархии мужественные староцерковники, которые приняли участие в Епарх. С'езде.

Еп. Нектарий распоясался настолько неприлично, что, тожальней, от его усердия поморщился и его вдохновитель, Петр Крутицкий. Но лозунг непримиримости выдерживался тихоновцами независимо от расстояния от Крутиц.

В Сибири дела тихоновцев не слишком хороши. Но «фронт» они держали и там.

В **Омске** Епархиальный Совет в расширенном собрании 8 июля постановил послать к тихоновскому епископу Виктору депутацию для вручения материалов, относящихся к вопросу о переговорах. Для избежания перетолков депутация взяла с собой даже юрисконсульта. Еп. Виктор сначала, видимо смутился прямо отказаться и обещал запросить Москву. Но через два дня он дал свой ответ и без Москвы, заявив в публичной проповеди, что «синодальная-обновленческая церковь еретическая, отрицает божество Христа Спасителя и выбрасывать св. иконы. С такими проповедями еп. Виктор примирения, то епископ Виктор запретил это собрание, несмотря к тихоновскому духовенству и мирянам с приглашением на епархиальный с'езд. Однако, на с'езд из них никто не явился, на неудовольствие мирян.

В **Красноярске**, в ответ на предложение синодального архиепископа Александра о примирении и совместном участии в Соборе, для чего предлагалось образовать общую комиссию, староцерковнические епископы Амфилохий и Дмитрий прислали резко-отрицательные письма, где в высокомерном тоне заявляли, что «наше соединение с вами возможно только тогда, когда вы отречетесь от своих заблуждений и принесете всенародное покаяние». Собор они объявляли неканоничным и самочинным, себя—единственно православными, и от всякого участия в переговорах отказались.

В **Семипалатинске** тихоновцы на все синодальные предложения, обращения и т. д. не удостоивали ответом. Главным виновником такой непримиримости, по донесению Семипалатинского церк. Управления, являлся епархиальный тихоновский архиепископ Виктор, проживающий в Омске. Этот Виктор в бытность в Павлограде говорил, между прочим, речь, где называл обновленцев еектантами, баптистами и даже арианами; обвиняя их в непочитании инок, выбрасывании их из храмов, уничтожении алтарей, отрицании таинств и проч. нечестиях. Под влиянием фанатичного епископа Виктора и тихоновское духовенство, на официальное предложение принять участие в с'езде, категорически отказалось от переговоров, заявляя, что никакого единения быть не может, так как будто бы спорные вопросы между обновленцами и тихоновцами не могут быть разрешены даже Поместным Собором, а подлежат компетенции Вселенского Собора.

В **Иркутске**, в целях примирения и совместной работы по подготовке к Поместному Собору, Еп. Совет обратился сначала к староцерковническому еп. Кириллу и комитетам староцерковнических общин с братским призывом принять участие в общей работе. Вместе с тем миряне обновленцы выпустили воззвание, где во имя Христа умоляли староцерковников забыть вражду и мирно отдать на суд Собора спорные вопросы. Еп. Кирилл ответил гробовым молчанием, а из приходских комитетов только один откликнулся... грубым заявлением такого содержания: «Ваша иерархия... представляется в нашем сознании самозванною, узурпирующею и лжеправославною. Поэтому все ваши призывы нас к какому-то миру и единению с вами нами отвергаются, и отвергаются даже с негодованием... Поэтому благоволите в будущем не утруждать себя какими бы то ни было посланиями к нам, разве только если пожелаете единения на началах существующего и известного вам для сего случая чина». Тем не менее пред Епархиальным с'ездом было сделано новое приглашение еп. Кириллу и опять осталось без ответа.

В **Кустанайской** епархии послано было обращение к местному тихоновскому епископу Николаю Амасийскому и предложено примириться, высказать свои условия примирения и призвать к тому же подведомственное ему духовенство и мирян, а в случае несогласия—сообщить, какие он имеет к тому причины и препятствия. Не получая ответа, послали вторично. Но еп. Николай, оказывается, уехал из Уральской области. Тогда было сделано обращение непосредственно Омский Еп. Совет принужден был обратиться с особым воззванием к верующему народу, чтобы разъяснить клеветнические выпады еп. Виктора. Когда самая крупная организация тихоновцев в Омске «Объединение православных общин г. Омска и пригородов»—выразила желание послушать доклад уполномоченного Епарх. Церк. Совета по вопросу о приезде по епархии и, само собою ясно, работал не на дело миря

Закавказское Областное Церковное Управление донесло в Св. Синод, что обращение Св. Синода к староцерковникам примирения и участия в Соборе было передано мес

Баку) староцерковническому епископу Арсению. При разговоре при этом еп. Арсений заявил, что он не может пойти ни на какие переговоры о примирении до тех пор, пока не получит соответствующих указаний от своей центральной церковной власти. Предварительно пред этим было послано еп. Арсению аналогичное письмо, но он его ни чрез почту, ни чрез рассылного не принял. Тогда ЗОМЦУ решило пригласить на частную беседу к митрополиту Петру наиболее влиятельных членов староцерковнических приходских советов, устроить собрание духовенства и мирян обоих течений, устроить широкое публичное собрание для дискуссии о примирении, собрать даже особый епархиальный съезд для церкви староцерковнического направления для выборов от него делегатов на Собор. Но все усилия победить упорство руководителей тихоновщины оказались тщетны.

В **Туркестане** тихоновский епископ Сергей оспаривал лавры Яранского еп. Нектария. На призывы к миру он выпустил «смирненное» послание «к пастырям и чадам Православной церкви Семиреченской и Туркестанской епархии уклонившимся в раскол обновленцев». В послании заявлялось, что обновленческие священники и епископы лишены благодати священства и не имеют власти преподавать другим благодать...

Таким образом в целом ряде епархий, как иллюстрируют приведенные данные, идущая из Крутиц непримиримая линия тихоновцев выразилась в полном отказе даже от разговоров о церковном примирении. Тихоновские архиереи этого типа или отмалчивались, или сразу резко выражали свое отрицательное и враждебное отношение и вообще боялись даже вступать в какие-либо сношения с синодальными представителями: очевидно, они буквально исполняли директивы своего начальства. Но были и такие епархии, где, что называется, удавалось «завязать разговор» с тихоновскими главарями. Однако, кончались эти разговоры обычно той же непримиримостью.

Во **Владимире**, в период подготовительных работ к съезду, обновленческие деятели напрасно старались подвигнуть тихоновских вождей на примирительную работу. Несмотря на благородный, прочувствованный призыв синодального архиепископа Герасима идти на Собор, как единственную инстанцию разрешения церковных споров, тихоновцы уклонились от совместной работы. Но когда епархиальный съезд 15 сентября через особую депутацию пригласил тихоновского vicарного епископа Афанасия, то последний явился на съезд, хотя и не в качестве официального представителя своей церкви. Как же вел себя сей, несомненно более «мужественный», староцерковнический архиерей? Вот как описывает Владимирское Е. У. это посещение. «Епископ Афанасий, не помолвившись во время пения (молитвы) и не благословив собрания, сделал только общий поклон, заявил, что ему на этом собрании быть не следует, что он пришел на него лишь по усиленной просьбе прибывших к нему мирян, что ему можно быть только на таком собрании, которое получит благословение от митрополита Петра; после усиленных просьб епископ Афанасий согласился побыть на собрании несколько времени, оговорившись, что за это свое присутствие на съезде он должен просить прощение у митрополита Петра». Затем, выслушав доклад архиеп. Герасима о предстоящем Соборе, еп. Афанасий стал говорить о том, что все обновленцы должны покаяться перед патриархом или его преемником; что синодальное церковное Управление неканонично и безблагодатно; что новорукоположенные синодальные архиереи—не архиереи, совершаемые ими хиротонии недействительны, и посвящаемые должны быть перерукополагаемы, что он, еп. Афанасий, и делает. На Собор 1 октября они (староцерковники) не пойдут. Для них авторитетен только собор, созванный митрополитом Петром. В случае искреннего покаяния, пожалуй, можно будет принять обновленцев и в сущем сане. Изрекши эти «истины» и выслушав гостеприимно пропетое ему «исполла», еп. Афанасий удалился из собрания.

В **Курске** имеется тихоновский митрополит Назарий—один из боевых староцерковников. Синодальное Е. У. препроводило ему трогательное обращение, во имя Христовой любви, «войти в общение и переговоры по вопросу о мире и единении в церкви». Для вручения обращения была снаряжена особая делегация. М. Назарий делегацию принял. Но как? А вот как,—повествует возглавлявший делегацию протоиерей Мусатов. «При встрече—стереотипные фразы: «Грядущего ко

мне не измену вон. Чем могу служить?» Я объяснил, что мы явились не по личной инициативе, а по поручению Е. У. и с обращением от него и начал читать текст обращения. М. Назарий с первых же слов своими репликами стал, как говорится, обрывать чтение. «Священный Синод...» начинается чтение... «А разве такой существует?»—прерывает м. Назарий,—я этого не знаю». «Курское Епархиальное Управление», читаю я; «а разве такое есть?»—возражает м. Назарий... «Под председательством архиеп. Константина»... «Я, прерывает м. Назарий, такого не знаю, я знаю только Константина Константиновича»... Мною была приведена справка о хиротонии арх. Константина и о епископах, его поставивших. Далее попросил м. Назария выслушать до конца «обращение», потом дать уже такой или иной ответ. М. Назарий до конца чтения сохранил молчание. Но затем, при видимом спокойствии, заговорил довольно резким тоном о событиях и лицах недавнего прошлого, рисуя близким своему сердцу в одних красках,—чуждое в других, а в заключение сказал: «Передайте преосвященному епископу Константину, если он хочет соединиться с нами, пусть приходит в нашу Ильинскую церковь, откажется от всего, что связано с Собором 23 года,—это будет зафиксировано известным официальным актом, который и будет препровожден к митрополиту Петру Крутицкому».—С тем и ушли от «благостного» владыки Назария курские делегаты.

Характерная борьба тихоновских «низов» и «верхов» по вопросу о примирении разыгралась в г. **Тамбове** и тамбовской епархии. Верхи, конечно, отказались от участия в предсоборной примирительной работе. Но «низы» обнаружили значительное тяготение к примирению. Об этом свидетельствует, например, такое письмо одного из тихоновских протоиереев Лебедянского уезда: «Как более других пострадавший от создавшегося дуализма в области управления Р. Ц., я искренно и горячо желаю возможно скорейшего ликвидации этого нестроения в церкви. И не только этого желаю, но в пределах для меня доступных и законных этому содействую. В частных беседах со своею братиею я по возможности всегда завожу об этом речь, направляя ее к тому, что современное церковное движение зиждется на канонической и исторической почве, что восставать против реформ, вызываемых жизнью, неразумно, и расходиться с такими реформаторами так далеко, чтобы иметь смелость открыто называть их «еретиками»,—преступно,—это значит разорять православие, а не оберегать его». До распространения воззвания Петра Крутицкого, большинство духовенства и церковно-приходских советов тамбовской епархии готовы были принять участие в благочиннических собраниях и епарх. съезде. Так, например, в с. Мучкапе Борисоглебского уезда состоялось благочинническое собрание 2 и 5 округов; на нем присутствовали 34 ч. от тихоновцев и 18 синодальных; избран был смешанный призыв под председательством одного из наиболее активных тихоновск. протоиереев и вынесена резолюция такого содержания: «III Пом. Всер. Церк. Собор, созываемый Св. Синодом в Москве 1 октября, признать необходимым в целях мира и единения церковного, при условии присутствия на нем представителей от староцерковников; избрать на еп. съезд 2 делегатов от староцерковников и 2 от обновленцев». 25 августа в Борисоглебске состоялся уездный съезд духовенства и мирян с участием тихоновских представителей и на нем было вынесено характерное постановление: «признать важность и необходимость III Пом. Собора для объединения всех членов церкви на платформе признания Собора 1923 года и Свящ. Синода в целях устройства церкви Христовой на началах, завещанных ей Божественным Основателем, и ликвидации церковной распри». Но руководящие тихоновские верхи в тамбовской епархии не хотели и слышать о Соборе. Посланное местным тихоновским епископам воззвание Св. Синода осталось без ответа. На миролюбивое же настроение «низов» сильно повлияло воззвание Петра Крутицкого. На благочиннические съезды, созданные после появления этого воззвания, тихоновцы уже почти не явились. Тем не менее все-таки от нескольких округов были избраны на епархиальный съезд и делегаты от староцерковников (на 20 делегатов синодальных пришлось 6 староцерковн.) и на Пом. Собор от Тамбовской епархии делегированы 4 обновленца и 4 тихоновца. Однако, это не было представительство от всей тихоновской группы. Между тем, в Там. епархии дело примирения явно налаживалось: его сорвали Петр Крутицкий и его местные агенты.

В Твери «владевает» над староцерковниками довольно известный митрополит Серафим (Александров), один из «верховных» вождей патриархистов. Архиерей этот, как будто бы, не из фанатиков. Но вот что сообщает местный синодальный архиепископ о предсоборной деятельности М. Серафима. В начале июня по Тверской епарх. было пущено послание м. Серафима, в частности читанное в г. Кашине, такого содержания: «В виду того, что обновленческие самозванные архиереи рассылают всюду приглашения к миру и объединению и к подготовке к их собору, настоящим объявляю, чтобы духовенство не имело никакого решительного общения с обновленцами, так как они—схизматики. Они должны притти к нам и притти с покаянием, при чем прием каждого из них имеет быть рассматриваем особо, и в зависимости от вины кающегося ему будет назначено то или иное покаяние. Запрещаю в Кашине благотворительные собрания без моего ведома». «Послание м. Серафима,—замечает кашинский корреспондент,—произвело на духовенство весьма неблагоприятное впечатление, так как написанное совершенно не в духе христианской любви». Впрочем, распространяя подобные воззвания по своей линии, м. Серафим, видимо, счел неудобным обнаружить прямо резкую враждебность примирительным предложением. Он любезно принял синодально-церковную делегацию, доставившую ему обращение Синода и архиепископа Игнатия о переговорах касательно примирения, и обещал «потолковать» с своими. Но явно, это была только дипломатическая отговорка. Никаких шагов к примирению м. Серафим не сделал и своих «запретительных» распоряжений не отменил. Переговоры с ним ни к чему не привели, и если на Тверском Епархиальном С'езде в августе явилось несколько староцерковников, то это,—несмотря на враждебную агитацию тихоновских руководителей. Вообще м. Серафим представил в своем лице только образец двуличной политики тихоновского дипломата, в глаза говорящего одно, а за глаза делающего совсем другое. Характерная черта «толерантных» тихоновцев!

В Костроме Е. У., получив указ Св. Синода о подготовке к Собору, постановило пригласить местного патриаршего архиепископа Севастиана, проживающего в Кинешме, «пожаловать в Кострому для совместного обсуждения мер, могущих содействовать умиротворению епархиальной жизни», и для разрешения вопросов об участии в Соборе. При этом, в случае каких-либо затруднений для еп. Севастиана приехать в Кострому, синодальный архиепископ Николай извещал готовность сам приехать в Кинешму к арх. Севастиану. Но в ответ на это от арх. Севастиана была получена официальная бумага, что он не имеет на сей предмет никаких распоряжений от своего начальства, т.-е. от Петра Крутицкого; без таковых же указаний «в деле церковного примирения и объединения с обновленцами» он «может руководствоваться только выработанными и утвержденными свят. патриархом Тихоном» «правилами о чиноприеме клириков, приходящих в православную церковь из обновленческого раскола». «Кроме того,—прибавлял арх. Севастиан,—хотя и прекрасно зная, что это не зависит от обновленцев,—так как до сих пор Св. Синод при несоблюдителе патриаршего престола советской властью не зарегистрирован (т.-е. не существует) и так как по этой причине и на местах патриаршие архиереи не могут функционировать, я полагаю, что переговоры о церковном мире могут начаться только в том случае, если и в центре и на местах установится нормальное духовное управление патриаршеских церквей и религиозных общин. Не имея никакого управления, они—общины,—как распыленные и не объединенные, не имеют возможности даже и собраться, чтобы обсудить условия и способы примирения с обновленцами». Эти признания в неимении своего управления и распыленности со стороны староцерковнического архиерея, конечно, весьма ценны. Но хотелось бы спросить арх. Севастиана, от **чего** же лица изречаются анафемы и прещения на обновленцев и составляются приговоры о «незаконности», «безблагодатности», «самочинности» и проч.? Или—это можно, а говорить о примирении—нельзя?

Псковское Е. У. в начале июля обратилось к староцерковническому архиепископу Николаю (Покровскому) с предложением принять участие в работах по организации епархиального с'езда и на самом с'езде с просьбой дать мотивированный ответ на это предложение. Архиеп. Николай несразу принял эту бумагу и от ответа на нее отказался. Не дал он ответа и на вторичное обращение. И только на третье обра-

щение арх. Николай удостоил ответом, в котором говорил, что акты синодального управления для него не обязательны и «ни с какой стороны не приемлемы», что объединение зависит от церковных верхов и что, впрочем, с своей стороны он никого не удерживает от объединения и никому не запрещает. Вместе с тем, арх. Николай от лица своей группы высказал, что они условием объединения и общей работы ставят «признание неканоничности соборов (?) 1922 и 1923 гг. и Священного Синода, как органа, ими (?) установленного», и что «объединение на местах может быть только при условии раскаяния обновленцев». Тихоновские приходские советы, к которым обращался Псковский синодальный епископ Симеон, под влиянием арх. Николая, отнеслись также враждебно к примиренческим попыткам. Большинство из них на приглашения к совместной работе не отвечали, а один (Космодемьяновский) ответил в таком роде: «Для нашей общины нет надобности, или нет таких вопросов, которые требуют рассмотрения на епархиальном с'езде. По законам Советской Республики одна религиозная община в дела другой вмешиваться не имеет права. Поэтому православная Космодемьяновская религиозная Община и уклоняется от участия на собраниях религиозной общины, именуемой Живой Церковью» (!).

В Вологде тихоновцы отмахнулись от примирительных предложений огульной отговоркой: пусть сначала примирятся центры управлений, а потом—и мы. Так отозвался и проживающий в Вологде тихоновский епископ Николай Караулов, с которым беседовал по этому вопросу Тотемский епископ Кирилл.

В близком к Вологде Череповце староцерковнические вожди оказались более откровенны. Тихоновское духовенство и миряне череповецкой епархии очень заинтересовались вопросом о примирении церкви. Они в большом числе являлись на собрания, участвовали в дебатах и во многом убеждались. Об этом узнал тихоновский епископ Макарий (Опоцкий) и под страхом анафем запретил своей пастве посещать собрания, устраиваемые обновленцами. На приглашения (неоднократные) на епархиальный с'езд тихоновские епископы не явились, а вместо того еп. Макарий прислал свое заявление, в котором говорилось, что они, староцерковники, не могут признать Собор 1923 г. и его постановления, не могут отказаться от патриаршества и не могут согласиться «с умалением епископской власти в пользу Епархиальных Управлений, дающих епископу только один голос председателя наравне с пресвитерами, диаконами и мирянами», тогда как, по их мнению, «епископ в церкви является повелителем верующих», почему «и именуется владыкою, господином верующих, а не братом равноправным пресвитерам, диаконам и мирянам» (так вот в чем дело!). Посему «владыка» Макарий «повелительно» ставил условиями соединения: «Отречение от Собора 1923 г. и признание авторитета **канонов** и правил» (очевидно, насчет «владычества»), а до сих пор объявлял обновленцев раскольниками, каких можно принимать чрез личное покаяние. Синодальный Череповецкий епископ Сергей дал исчерпывающий «ответ» на это откровенное заявление еп. Макария. Но, конечно, верная своему «повелителю» тихоновская паства не решилась противиться воле «владыки». Все-таки на Епархиальном С'езде в Череповце явилась часть староцерковников и один из них был избран делегатом на Собор.

В Перми староцерковническая группа в целом уклонилась от участия в предсоборной работе. Однако, несколько представителей тихоновцев явились по приглашению на собрание 26 августа для обмена мнениями по вопросу о Соборе и выборах на него. Явились они, впрочем, не с мирными целями. На вопрос, как они смотрят на Собор, один из них прочитал обращение ленинградских тихоновских епископов, в котором запрещалось тихоновцам вступать в какие-либо переговоры и разговоры с обновленцами, подобное же обращение тихоновского пермского епископа Стефана и, наконец, послание митр. Крутицкого Петра. Прочитав эти «документы», представитель староцерковников сказал, что добавить к ним он ничего не может, их долг повиноваться, а потому и разговор о выборе на Собор быть не может. По сведениям Пермского Е. У. в селах и заводах замечалось тяготение к собору; но в виду таких «обращений» тихоновского епископата это тяготение подавлялось.

Сравнительно благоприятная ситуация наблюдалась в Уральской епархии. На епархиальный предсоборный с'езд

явились два полномочных представителя тихоновцев—свящ. Сенгелевцев и свящ. Кулизнев. Первый из них признал вполне убедительным доклад синодального епископа Михаила о каноничности Свящ. Синода и стал на примирительную точку зрения. Зато второй (Кулизнев) проявил упорную враждебность, не хотел слушать никаких доказательств. В конце концов о. Сенгелевцев согласился взять на себя и депутатские полномочия на Собор.

В г. **Троицке**, Уральской Области, духовенство и миряне староцерковники также готовы были идти навстречу мирным переговорам. Многие приходы епархии делали постановления об избрании делегатов на съезд и Собор. Но еще на местах, или по прибытии в епархиальный город на съезд, они встречались с предупреждением местных руководителей староцерковничества, воодушевляемых воззванием Петра Крутицкого,—и боязнь попасть «в опалу» многих останавливала. В результате на съезде присутствовало от староцерковников только три священника и два мирянина. Впрочем, нельзя не отметить примирительную позицию тихоновского троицкого епископа Николая (Амасийского). Когда начались переговоры о примирении, то последний выразил готовность прекратить враждебные выступления против обновленчества и начать работу в духе примирения. Но на место еп. Николая Петр Крутицкий поспешил назначить нового епископа—Дионисия (Прозоровского), и оставшийся не у дел еп. Николай оказался не в состоянии продолжать дело в этом направлении, хотя, готовясь расстаться с паствой, он определенно публично высказал, что надо идти на Собор и там общим голосом разрешить спорные вопросы и подчиниться соборному решению.

В **Астрахани** на приглашение принять участие в предсоборной работе тихоновский епископ Фаддей лаконически ответил: «Имею честь сообщить, что на принятие участия в организационной работе по созыву III Всероссийского Поместного Собора я не имею канонически законного уполномочия».

Интересны были переговоры в **Томске**. Там тихоновскую церковь возглавляет старый церковный деятель царского периода, бывший председатель Учебного Комитета при Святейшем Синоде, архиепископ Димитрий (Беликов). Архиеп. Димитрий не отказался «говорить» с обновленцами. Он прибыл, по приглашению, на заседание расширенного Пленума Томского Еп. Совета 27 июля; но вел себя уклончиво. На вопрос, примут ли староцерковники участие в организационной предсоборной работе, арх. Димитрий заявил, что об этом нужно спросить сначала народ; затем стал ссылаться на то, что не имеет права управления, не может созывать приходские собрания и проч. Спутники арх. Димитрия вели себя вызывающе, не стеснялись оскорблениями по адресу обновленцев, шумели и т. п. На устроенный затем Еп. Советом публичный доклад арх. Димитрий прибыл с массой староцерковников, которые вели себя так, что собрание пришлось закрыть. Наконец, арх. Димитрий не отказался прибыть и на Епархиальный Съезд, 28 августа, хотя никакой подготовительной работы, какую обещал сделать, не сделал. Но участие его выразилось лишь тем, что он заявил, что он не согласен с постановлениями Собора 1923 года, а когда на предложение его тут же поставить вопрос об условиях примирения ему было разъяснено, что об этом речь будет на Соборе, а теперь надо обсудить лишь условия участия в Соборе, то арх. Димитрий удалился со съезда. Это был единственный случай непосредственного «участия» в переговорах тихоновского епархиального архиерея. Однако и здесь староцерковники ставили дело так, что оно могло кончиться лишь ничем.

Приведенных фактических данных, нам кажется, достаточно, чтобы осветить историю переговоров о примирении. В прочих епархиях повторялись те же варианты: или высокомерное игнорирование всяких предложений, или некоторый «разговор» только для того, чтобы сказать нет. Что же, при таких условиях, можно было еще сделать для смягчения тихо-

новской непримиримости? Синодальное предложение, строго проведенное на местах, было ясно: на равных началах принять участие в Соборе и на Соборе уже обсудить все, что разделяет староцерковников с синодальными. В ответ на это по всему фронту тихоновщины, по директивам из Крутиц, мы слышали одно: вы погрешили якобы в том-то и том-то, и пока не покаетесь, разговоров о мире быть не может. Иначе говоря, лагерь Петра Крутицкого признает одно: сдачу на капитуляцию. В своем высокомерии тихоновские руководители не допускают и мысли о собственной неправоте. Но мало того: они не допускают и Соборного авторитета, решительно ставя себя выше Собора и не желая отдавать на Соборный суд свою «тяжбу» со сторонниками Собора 1923 года. Нет сомнения, что тихоновские «низы» сами не понимают, что такая постановка вопроса есть не что иное, как измена православному традициям. Они не понимают, что их епископат во главе с Петром Крутицким стоит не на православной, а на папистской точке зрения. Это римские папы некогда утверждали, что папа выше Соборов, и только Соборы, созываемые по благословению папы, законны и правомочны. Но время заставило и папский Рим смягчить эти заносчивые притязания. Даже католическая церковь в конце концов склонилась пред соборным авторитетом. Между тем наша тихоновская иерархия утверждает иное. Она хочет воскресить средневековую теорию папской безапелляционности на русской почве и без собора смело произносит суд над Соборами. Еще недавно, до революции, наверно, наши архиереи назвали бы это прямо «латинской ересью». Теперь же они, нисколько не смущаясь, называют это «истинным православием».

Повторяем, однако, староцерковнические низы этого не понимают. Они виновны только в том, что слепо верят своим вождям. Но «Крутицы» и все тихоновские верхи, конечно, понимают, чего они требуют от синодальной церкви (требуют измены православной соборности), и если они тем не менее предъявляют подобные требования, то, очевидно, с явным намерением заранее устранить всякую возможность соглашения. Они сознательно углубляют разрыв церкви, намеренно строят средостения между двумя церковными группировками, и понятно—почему. Церковное примирение им невыгодно, ибо—невыгодно. Невыгодно, во-первых, материально, так как теперь—секрет полишинеля—им удалось сосредоточить у себя наиболее состоятельные элементы верующих, из имущих классов, которые они монопольно и обслуживают. Во-вторых же невыгодно потому, как проговорился в Череповце еп. Макарий, что хотят остаться «господами» и «владыками», гнушаются сесть рядом с священниками и мирянами,—хотят пасти, в полном смысле, своих пасомых, как безответное стадо. Дух соборно-мирянский—дух равноправия и братства, проникающий соборно-синодальную церковь, не по нутру «господам» и «властелинам» в митрах. И хотя они любят ссылаться на «народ», якобы поддерживающий их оппозицию Собору 1923 г., но на самом деле эту оппозицию создали исключительно они сами и теперь только скрываются за спиной одурманенного бессовестной агитацией их же агентов «народа». А цель всех этих хитросплетений о «неканоничности», «безблагодатности» и проч. одна—подольше сохранить свое влияние на массы, не умеющие разобрататься в церковных вопросах, и «повладычествовать» там, где, «кто хочет быть первым, тот должен быть всем слугою».

Как бы то ни было, с синодальной стороны, как справедливо заявлялось на недавнем Соборе,—было сделано для мира церкви все; со староцерковнической же все было сделано для того, чтобы примирение не состоялось. И надо полагать, что пока староцерковнические верхи останутся тем, чем они есть, с этой стороны примирительных шагов мы не увидим. Дело мира станет на твердую почву, когда раскроются глаза церковной массы. А это—задача длительной работы.

Профессор Б. В. Титлинов.

